АКАДЕМИЯ НАУК РОССИИ РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией академика Российской Академии наук М. Н. БОГОЛЮБОВА

Вып. XXVIII ГЕОГРАФИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРА

А. Я. Массов

ПЕРЕПИСКА Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ С МИНИСТРОМ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИИ Н. К. ГИРСОМ О ВОЕННЫХ ПРИГОТОВЛЕНИЯХ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ

В отечественной историко-бнографической литературе, посвященной Н. Н. Миклухо-Маклаю, уже достаточно хорошо изучена деятельность выдающегося русского ученого по защите аборигенов Новой Гвинеи от европейских колонизаторов. В книгах и статьях Б. А. Вальской, Д. Д. Тумаркина, Б. Н. Путилова, Н. А. Бутинова исследованы его попытки предотвратить захват берега Маклая Германией, планы основать и возглавить Папуасский союз, усилия по созданию на Новой Гвинее русской переселенческой колонии 1. В этой связи была выявлена в архивах и подвергнута научному анализу общирная переписка Миклухо-Маклая, которую ученый вел в 1883—1886 гг. с царем Александром III, министром иностранных дел Н. К. Гирсом, управляющим морским министерством И. А. Шестаковым, другими государственными и общественными деятелями России, Англии, Германии и Австралии. Вместе с тем, в общирном эпистолярном наследии Миклухо-

¹ Вальская Б. А. Борьба Н. Н. Миклухо-Маклая за права папуасов берега Маклая // Страны и народы Востока. М., 1959. Вып. 1; Вальская Б. А. Проект Н. Н. Миклухо-Маклая о создании на островах Тихого океана русской вольной колонии // Австралия и Океания: (История и современность). М., 1970; Вальская Б. А. Неопубликованные материалы о подготовке экспедиции Н. Н. Миклухо-Маклая на Новую Гвинею в 1871 г. и о плавании корвета "Скобелев" к этому острову в 1883 г. // Страны и народы Востока. М., 1972. Вып. 13; Вальская Б. А. Плавание Н. Н. Миклухо-Маклая на корвете "Скобелев" в 1883 г. // Страны и народы Востока. М., 1982. Вып. 24; *Вальская Б. А.* Научная и общественная деятельность Н. Н. Миклухо-Маклая в последние годы его жизни: (По неопубликованным материалам) // Страны и народы Востока. М., 1987. Вып. 25; Тумаркин Д. Д. Папуасский союз: (Из истории борьбы Н. Н. Миклухо-Маклая за права папуасов Новой Гвинен) // Расы и народы. М., 1977. Вып. 7; Тумаркин Д. Д. Из истории борьбы Н. Н. Миклухо-Маклая в защиту островитян Южных морей // Расы и народы. М., 1981. Вып. 11; Путилов Б. Н. Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Страницы биографин. М., 1981; Путилов Б. Н. Н. Н. Миклухо-Маклай. Путещественник, ученый, гума-HECT. M., 1985; Butinov N. A. Miklouho-Maclay in Australia // Russia and the Fifth Continent. Brisbane, 1992.

Маклая этого периода до сих пор остался "незамеченным" ряд писем русского ученого к Н. К. Гирсу, в которых Миклухо-Маклай информировал министерство иностранных дел о политической ситуации в Австралии. Океании и Голландской Ост-Индии, а также сообщал о военных приготовлениях в Австралии в связи с очередным обострением англо-русских отношений и угрозой англо-русской войны. Речь идет о трех больших донесениях Миклухо-Маклая на эту тему, которые были посланы в Петербург 31 мая (11 июня) и 14 (26) сентября 1885 г. из Сиднея и 2 (14) апреля 1886 г. из Порт-Саида, куда Миклухо-Маклай прибыл на борту парохода "Меркара" по пути возвращения на родину². В настоящее время подлинники этих донесений хранятся в Архиве внешней политики России³. Вполне очевилны причины, по которым эта сторона деятельности Миклухо-Маклая долгое время оставалась вне поля зрения отечественных исследователей. Думается, однако, что пришиа пора отказаться от "фигуры умолчания" и дать объективную оценку и этой странице жизни ученого.

Идея использовать Миклухо-Маклая как источник сведений военно-политического характера о ситуации в Австралии и Океании возникла в министерстве иностранных дел и в морском министерстве в декабре 1884 г. В это время в дипломатическом и военно-морском ведомствах России шло обсуждение предложения русского путешественника об усилении российского присутствия в южной части Тихого океана и об установлении русского протектората над северо-восточным побережьем ("Берегом Маклая") Новой Гвинеи. Надо сказать, что в российском МИДе достаточно хорошо представляли расстановку сил в этом районе и, соответственно, весьма осторожно оценивали возможности России принять участие в колониальном разделе Океании. В докладной записке МИЛа о положении дел в южной части Тихого океана, направленной Александру III 18 декабря 1884 г., отмечались поразительные успехи Германии в развитии своей колониальной и коммерческой активности в этом районе земного шара, а также указывалось на стремительно растущее англо-германское колониальное соперничество. "Вместе с тем, — говорилось в записке, — обостряется и соперничество, но (этого не следует упускать из виду) не столько вообще английское, сколько специально австралийское и притом... пока более политического 4, чем коммерческого свойства. Для австралийцев, имеющих довольно дел у себя дома, важно не дать другим

² В дальнейшем все даты, кроме специально оговоренных, приводятся по старому стилю.

³ Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. II Департамент, I—5, 1886, оп. 403, д. 104, лл. 114—119 об., 232—237 об., 249—262 об.

⁴ Здесь в далее все подчеркивания в выделения в тексте (кроме специально оговоренных) приводятся в соответствии с подлининком.

твердо засесть в разных непочатых уголках тихоокеанского бассейна и этим оберечь себя от опасного соседства" 5. Признавая, что предложение Миклухо-Маклая об установлении русского протектората над Новой Гвинеей проистекает из "благородного желания" русского ученого оградить папуасов от "тлетворного влияния европейской культуры", Гирс считал, тем не менее, предложение путешественника неосуществимым. К концу 1884 г. восточная (незанятая Нидерландами) часть Новой Гвинеи была уже фактически поделена. Англия объявила протекторат над юго-восточной частью острова, Германия присоединила к своим владениям северо-восточную часть Новой Гвинеи. Обе державы вели переговоры об окончательном разграничении вновь приобретенных территорий. "В виду таких обстоятельств, — писал Гирс, — участь папуасов может считаться решенною, и наше вмешательство собственно в видах ограждения их ... нельзя признать полезным и целесообразным" 6.

Вместе с тем Гирс окончательно не исключал возможное вмешательство России в колониальную гонку великих держав в Океании. В случае благоприятных обстоятельств Россия могла бы "войти в такие международные соглашения, которые обеспечивали бы политическое равновесие, а вместе и влияние наше в тех краях" 7. Для проведения такой политической линии русское правительство нуждалось в оперативной и точной информации. Именно здесь Миклухо-Маклай мог оказаться как нельзя более полезен. В докладной записке царю министр иностранных дел России предложил, ничего "не объявляя Миклухо-Маклаю о намерениях правительства, поддерживать с ним сношения в виду возможной пользы от знакомства его с краем" 8. Сходную позицию в декабре 1884 г., как следует из переписки между Гирсом и Шестаковым, заняло и морское министерство 9.

Уже 20 декабря 1884 г., то есть через два дня после представления Александру III записки о положении дел и политической линии России в южной части Тихого океана, министр иностранных дел направил находившемуся в Сиднее Миклухо-Маклаю письмо. В этом письме министр дипломатично, но настоятельно просил русского путешественника о предоставлении нужной информации. "Отдавая полную справедливость Вашей долговременной деятельности на островах Тихого океана, направленной, главным образом, к ограждению туземцев от пагубного влияния чуждой им цивилизации, — писал Гирс, — ми-

⁵ Российский государственный архив Военед морского флота (далее — РГА ВМФ), ф. 410, оп. 2, д. 4155, л. 78 об.

⁶ Там же, л. 79 об.—80, 81 об.

⁷ Там же, л. 81.

⁸ Там же, л. 81 об.

⁹ См. там же, л. 74.

нистерство иностранных дел находило бы в настоящее время крайне желательным получать от Вас по мере возможности постоянные сообщения обо всем происходящем на тихоокеанских материках и архипелагах" 10. Характерно, что при этом Гирс ничего не говорит по существу затронутых Миклухо-Маклаем проблем — о вмешательстве России в определение политического будущего Берега Маклая. Он лишь сообщает ученому, что в случае окончательного захвата этой территории Германией, русское правительство готово позаботиться об ограждении его частных прав, "могущих оказаться на означенном берегу Новой Гвинеи" 11.

Миклухо-Маклай без колебаний согласился представлять необходимую информацию в Петербург. "Относительно предложения посылки министерству иностранных дел ПОСТОЯННЫХ сообщений о положении дел на ос[тро]вах Тихого океана, за которыми я слежу с величайшим интересом, — писал путешественник в своем ответе Гирсу из Сиднея 10 марта (н. ст.) 1885 г., — ...постараюсь... сообщать ПО ВОЗ-МОЖНОСТИ Вашему Превосходительству важнейшие события, происходящие или ожидающиеся в этой части света!" 12 Миклухо-Маклай счел необходимым принять это предложение даже несмотря на то, что был чрезвычайно загружен научной работой. (Об этом он тоже написал в ответе русскому министру). Русский ученый должен был закончить в 1885 г. подготовку к печати рукописи первого тома своих научных трудов, для чего он еще в 1882 г. получил денежную субсидию от Александра III.

К своему обещанию предоставлять нужную информацию Миклухо-Маклай отнесся со всей серьезностью. Уже 11 июня (н. ст.) 1885 г. он отправил в Петербург свое первое донесение (помеченное 9 июня (н. ст.) 1885 г.) о военно-политической обстановке и росте антирусских настроений в Австралии. К донесению было приложено письмо на имя Гирса, в котором Миклухо-Маклай просит русского министра уточнить, "ЧТО ИМЕННО может оказаться ОСОБЕННО интересным министерству иностранных дел... Если мне будут сообщены более подробные "desiderata" 13, то мои последующие сообщения могут оказаться более интересными" 14. Это письмо вместе с первым донесением было получено в Петербурге 7 июля 1885 г., и его содержание было доведено до сведения царя. По указанию Александра III донесение Миклухо-Маклая было направлено для ознакомления в морское министерство. Одновременно с этим в сопроводительном письме Гирса от

¹⁰ АВПР, ф. II Департамент, I—5, 1886, оп. 403, д. 104, л. 55—55 об.

¹¹ Там же, л. 55 об.

¹² Там же, л. 85 об.

¹³ Требования (лат.).

¹⁴ АВПР, ф. II Департамент, I—5, 1886, оп. 403, д. 104, л. 112.

23 июля 1885 г. морскому министерству предлагалось сообщить, какие именно сведения представляют для него интерес и на что должен обращать внимание Миклухо-Маклай в первую очередь 15. Исполнявший в это время обязанности министра начальник Главного морского штаба вице-адмирал Н. М. Чихачев ответил Гирсу письмом от 9 августа 1885 г. Вице-адмирал просил предложить Миклухо-Маклаю "если не через непосредственно сношения с официальными лицами австралийских колоний, то из печатных источников поближе ознакомиться с обшим планом военно-морских приготовлений Австралии на случай войны России с Англией; каким числом военных судов могли располагать в военное время колониальные власти; сколько частных пароходов предполагалось приспособить и вооружить для военных действий...; в каких пунктах учреждены и имелось в виду устроить... угольные станции" 16. Эти пожелания были сообщены Миклухо-Маклаю в письме товарища (заместителя) министра иностранных дел А. Г. Влангали. направленного в Сидней 20 августа 1885 г. 17 Они были получены Миклухо-Маклаем уже после того, как русский путешественник отправил в Россию 26 сентября (н. ст.) 1885 г. свое второе донесение, на этот раз посвященное развитию политической обстановки в Австралии, Новой Гвинее и на островах Океании в июле, августе и сентябре 1885 г.

Попытка ответить на интересующие морское министерство вопросы (наряду с анализом политических и дипломатических аспектов ситуации в Австралии, Новой Гвинее и Голландской Ост-Индии) была предпринята Миклухо-Маклаем в его третьем донесении, направленном в Россию 14 апреля (н. ст.) 1886 г. из Порт-Санда. При этом русский ученый настоятельно просил министерство иностранных дел сохранять в тайне источник полученной информации. "Я согласил[ся] писать..., — читаем в сопроводительном письме к третьему донесению, — единственно под условием ПОЛНЕЙШЕЙ КОНФИЛЕНЦИ-АЛЬНОСТИ; почему, если Ваше Высокопревосходительство найдет целесообразным передать часть сообщения моего другому министерству, имею честь покорнейше просить..., чтобы мое имя было ПОЛО-ЖИТЕЛЬНО УМОЛЧЕНО" 18. Сразу же отметим, что министерство иностранных дел и не подумало прислушаться к просьбе Миклухо-Маклая. Подлинник его третьего донесения в мае 1886 г. был направлен для ознакомления в морское министерство с полным указанием авторства документа ¹⁹.

¹⁵ РГА ВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 4155, л. 102—103.

¹⁶ АВПР, ф. II Департамент, I—5, 1886, оп. 403, д. 104, л. 127—127 об.

¹⁷ Там же, л. 129—130.

¹⁸ АВПР, ф. II Департамент, I—5, 1986, оп. 403, д. 104, л. 249—249 об.

¹⁹ ГА ВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 4155, л. 113.

Почему же русский ученый согласился выполнять столь деликатное и, мягко говоря, не совсем обычное поручение — информировать государственные ведомства России о военно-политической ситуации в Австрални и южной части Тихого океана? Думается, что эту деятельность Миклухо-Маклая следует рассматривать прежде всего в русле его борьбы за установление российского протектората над Берегом Маклая и за возможное присоединение к России каких-либо других островов Океании. Наш соотечественник сам был заинтересован в предоставлении подобной информации в Петербург. Прежде всего, она позволяла Миклухо-Маклаю заметно укрепить свою репутацию как одного из немногих русских людей, хорошо осведомленных в военной и политической ситуации в этом районе земного шара. Реноме неоценимого специалиста, в свою очередь, придавало большую убедительность его аргументации в пользу территориальных приобретений России в тихоокеанском бассейне. Этой же цели должна была послужить сообщаемая Миклухо-Маклаем информация о стремительном усилении военно-политического и территориального присутствия Англии и Германии в Океании. При таком повороте событий Россия, по мысли ученого, не должна была и не могла оставаться безучастной. Собственно говоря, Миклухо-Маклай и не скрывал, что его донесения должны были стать дополнительным аргументом для более активной политики русского правительства. Логика действий путещественника отчетливо просматривается в такой, например, фразе из его первого донесения: "Если русское правительство поможет мне ОТСТОЯТЬ Берег Маклая, ПОРТ АЛЕКСЕЙ (бухта на северном побережье Новой Гвинеи — А. М.) может стать удобным пунктом, чтобы производить давление на Австралию!! ²⁰ Здесь уместно будет отметить, что еще до поручения МИЛ России сообщать информацию о военно-политической ситуации в Австралии и Океании Миклухо-Маклай пытался по собственной инициативе привлечь внимание русских официальных лиц к военным аспектам проблемы. Не без оснований опасаясь, что русское правительство может занять выжидательную позицию по вопросу установления российского протектората над Берегом Маклая, он еще 26 ноября (н. ст.) 1884 г. написал письмо начальнику Главного морского штаба вице-адмиралу Н. М. Чихачеву. В письме путешественник выразил уверенность, что "учреждение морских станций в Тихом океане должно казаться... желательным", причем "для этого НЕ следует более терять времени". И далее Миклухо-Маклай, пытаясь, очевидно, сделать адмирала своим союзником, убеждает Чихачева в военно-стратегических преимуществах Порта Алексея как потенциальной базы для

²⁰ АВПР, ф. II Департамент, I—5, 1886, оп. 403, д. 104, л. 119 об.

русского военно-морского флота ²¹. Адмирал, однако, ответил весьма уклончиво. В своем письме в Сидней он перечислил требования, которые в военном отношении обычно предъявляются к военно-морской станции, но воздержался от политической оценки проблемы: Чихачев так и не сообщил Миклухо-Маклаю своего мнения о возможности или желательности создания военно-морской станции на Новой Гвинее ²².

С известной долей осторожности можно предположить также, что сбор информации военно-политического характера облегчил Миклухо-Маклаю решение еще одной очень важной и неотложной для него проблемы. В Австралии, как известно, русский ученый жил за счет субсилии, предоставленной ему Александром III для завершения научной обработки собранных за время путешествий этнографических коллекций. Выделенная в 1882 г. субсидия на 1883 и 1884 гг. уже была однажды продлена по просьбе Миклухо-Маклая на 1885 г. Однако, в августе 1885 г. Миклухо-Маклай вновь обращается к царю с просьбой о деньгах. На этот раз он просит дополнительно 80 фунтов стерлингов, необходимых ему для возвращения в Россию. Письмо государю с просьбой о выделении денег датировано 10 августа (н. ст.) 1885 г.23 Как раз за несколько дней до этого, 3 августа (н. ст.) 1885 г., Миклухо-Маклай получил телеграмму, в которой министерство иностранных дел России извещало русского путещественника, что в Петербурге получено его первое донесение от 9 июня 1885 г.24 Удивительная близость дат этих двух документов, видимо, не случайна. Возможно, что Миклухо-Маклай рискнул обратиться к царю только после того, как убедился, что собранные им сведения благополучно достигли Петербурга. Предоставление России нужных для нее сведений придавало русскому путешественнику определенную уверенность и в моральном плане значительно облегчало решение столь деликатной задачи, как обращение с новой денежной просьбой к императору. Характерно, что за день до письма к парю, 9 августа (н. ст.) 1885 г., Миклухо-Маклай пишет письмо управляющему собственной Его Величества канцелярией статс-секретарю С. А. Танееву, где сообщает о своем предстоящем обращении к государю за новой денежной субсидией и просит Танеева в случае благоприятного исхода дела позаботиться о сохранении факта получения денег в тайне ²⁵.

Прежде, чем перейти к непосредственному анализу текста донесений Миклухо-Маклая Гирсу, отметим еще одно существенное обстоя-

²¹ РГА ВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 4155, л. 86—87 об.

²² Там же, л. 88—89.

²³ Центральный государственный исторический архив (далее — ЦГИА), ф. 1409, оп. 15, 1882, д. 1485, л. 21—21 об.

²⁴ См. АВПР, ф. II Департамент, I—5, 1886, оп. 403, д. 104, л. 225—227 об.

²⁵ ЦГИА, ф. 1409, оп. 15, 1882, д. 1485, л. 25 об.

тельство. Главным и основным источником получения информации служили для Миклухо-Маклая австралийские газеты. Использовал он также и те сведения, которые сообщали ему при личных встречах политические и общественные деятели Англии. Австралии. Годландской Ост-Индии. Именно на эти источники указывает в своих донесениях сам Миклухо-Маклай, а к третьему донесению (от 14 апреля (н. ст.) 1886 г.) и просто приложено несколько газетных вырезок. Никакими "нелегальными" источниками Миклухо-Маклай не пользовался и даже не пытался раскрыть секретные сведения: очень часто его информация обрывается указанием на их секретный характер. (Так, например, завершается рассказ об австралийских планах создания новых угольных станций или о дислокации баз снабжения флота ²⁶). Использование Миклухо-Маклаем исключительно открытых источников уже само по себе позволяет решительно и однозначно отвергнуть возможные обвинения русского ученого в шпионаже. Его донесения не были результатом "разведывательной деятельности". Миклухо-Маклай выступил только лишь как собиратель и систематизатор доступной ему информащии о военных приготовлениях и политической ситуации в Австралии и Океании.

Рассмотрим теперь содержание переданной Миклухо-Маклаем в Петербург информации, попробуем определить ее качество с точки зрения достоверности и политической значимости.

Наиболее существенным для министерства иностранных дел и морского министерства были, несомненно, сведения о росте антирусских настроений и военном строительстве в Австралии в связи с обострением англо-русских отношений. Этим сюжетам посвящена большая часть первого донесения, часть второго и значительная часть третьего донесений. Необычайный рост воинственности австралийцев — первое, на что обращает внимание Миклухо-Маклай. Эта воинственность стала отчетливо заметна еще "РАНЕЕ опасения русско-английского конфликта", а именно со времени посылки австралийского военного отряда в Судан на помощь англичанам в подавлении Махдистского восстания ²⁷. Миклухо-Маклай подробно рассказывает (в первом и втором донесении) историю посылки этого отряда в Судан и возвращения его на родину, отмечая в то же время, что после обострения англо-русских отношений весной 1885 г. воинственность австралийцев приняла ярко выраженную антирусскую окраску.

²⁶ АВПР, ф. II Департамент, I—5, 1886, оп. 403, д. 104, лл. 116 об., 253 об.

²⁷ АВПР, ф. II Департамент, I—5, 1886 оп. 403, д. 104, л. 114. Австралийский отряд в составе 750 человек находился в Судане (в г. Суакине) с 29 марта (в. ст.) по 17 мая (н. ст.) 1885 г. Австралийцы почти не участвовали в боевых действиях, занимаясь, в основном, ремонтом железнодорожной ветки, по которой осуществлялось снабжение всем необходимым английских войск.

Русофобия в Австралии опущалась повсеместно и иногда принимала просто курьезные очертания: на улице избили прохожего, по опшбке приняв его за русского; пытались отстранить от должности шкипера-финна, поскольку Финляндия — это часть Российской империи, и шкипер может перейти на службу к русским. И, конечно, самого Миклухо-Маклая, а также находившегося в это время в Австралии русского горного инженера М. А. Шостака объявили русскими шпионами. "Про меня что думают — не стану писать, было бы слишком длинно ²⁸". К проявлениям русофобии Миклухо-Маклай относит и факт изъятия у него земли в районе Уотсонс-бей в Сиднее, которая ранее была предоставлена для создания Биологической станции.

"Что мне кажется особенно странным, — пишет далее наш соотечественник, — так это ОПАСЕНИЕ в Австралии в случае войны с Россиею ВЫСАДКИ РУССКИХ в Австралии, о чем судили и рядили разные колониальные газеты". "Общественные нервы были так возбуждены, что стали появляться телеграммы... о виденных у берегов Австралии в разных местах русских крейсерах, которые потом оказались или вовсе не военными судами, или ... германскими канонерскими лодками" ²⁹. Тем не менее, как считает Миклухо-Маклай, "большая часть публики в Австралии не думает серьезно о возможности войны", а "военная тревога МАЛО отразилась на колониальных коммерческих делах... Благосостояние колоний идет постоянно вперед" ³⁰.

Следует подчеркнуть, что при описании антирусской волны, поднявшейся в Австралии в 1885 г., Миклухо-Маклай не допускает никаких преувеличений. Страх перед Россией и русскими был весьма пироко распространен в австралийских колониях на протяжении всей второй половины XIX в. Этот страх постоянно подпитывался с одной стороны почти не прекращавшейся напряженностью в англо-русских отношениях, а с другой — постепенно возрастающим военно-морским присутствием России в бассейне Тихого океана. Уверенность в неизбежном нападении русского флота на австралийское побережье в случае англо-русской войны была общим местом в военно-стратегической доктрине Австралии. Антирусские кампании разной глубины и силы поднимались в австралийских колониях в связи с визитами в австралийские порты кораблей российского военно-морского флота в 1863—1864, 1881—1882, 1886 гг., 31 тема грядущего нашествия русских напила

²⁸ АВПР, ф. II Департамент, I—5, 1886, оп. 403, д. 104, д. 117 об.

²⁹ Там же, л. 116 об.—117, 115. ³⁰ Там же, л. 118.

³¹ Российские моряки и путешественники в Австралии. М., 1993. С. 9, 173—201.

свое отражение даже в художественной литературе ³². Опасения русского вторжения были, разумеется, многократно преувеличены (на это преувеличение уже обращали внимание австралийские исследователи ³³), однако в 80-е годы XIX в. именно они послужили главным стимулом для проведения мероприятий по укреплению обороноспособности Австралии.

Естественно, что в "военной" части своих донесений Миклухо-Маклай главное внимание уделяет военному строительству в Австралии, мерам по ее защите. "Ожидание русско-английской войны, — пишет он. — привело колониальные правительства в лихорадочное состояние: входы в гавани были запружены торпедами, почтовые пароходы ... были наняты за большие деным (5 000 ф. стерл. в месяц) для обращения их в военные крейсеры, стали формироваться волонтеры разного рода" 34. И далее Миклухо-Маклай стремится раскрыть содержание всех этих мероприятий. Он сообщает о том, как и какие пароходы были переоборудованы на военный лад и какие тактикотехнические данные они показали. "Общее мнение компетентных людей здесь то, — делает вывод ученый, — что эти суда представят очень серьезных противников для военных судов средней величины и даже для таких, кот[орые] специально построены для цели «крейсерства» 35^м. Миклухо-Маклай рассказывает о предложениях начальника австралийской морской станции контр-адмирала Дж. Трайона по укреплению австралийской береговой линии и созданию новых угольных складов, сообщает об укреплении (с помощью артиллерии, призванной "парализовать деятельность русских крейсеров" ³⁶) портов Силнея, Мельбурна, Аделаиды. Приводятся данные о составе австралийского и английского флота, который может быть использован для защиты австралийских берегов, и о возможной численности сухопутной австралийской армин 37. Особое внимание Миклухо-Маклай уделяет прибрежным пунктам, которые имеют стратегическое значение и до сих пор не достаточно укреплены. К их числу он относит город Олбани, представляющий "порядочную гавань и ... ОЧЕНЬ важную угольную станцию", Порт-Дарвин ("ВАЖНЫЙ потому, что... 1-ая станция в Австралии европейского телеграфа"), остров Четверга в Торре-

³² Walker W. H. The Invasion. Sydney, 1887; Fenwick C. Extracts from my diary. Sydney, 1883; Luckie D. M. The Raid of the Russian Cruiser "Kaskowiski". Wellington, 1894; Mackay K. The Yellow Wave. London, 1895.

³³ Хотимский К. Русские в Австралин. Мельбурн, 1957. С. 8—10; Fitzhardinge V. Russian Naval Visitors to Australia, 1862—1888 // Journal of the Royal Australian Historical Society, 1966. Vol. 52. Pt. 2. P. 154—155.

³⁴ АВПР, ф. II Департамент, I—5, 1886, оп. 403, д. 104, л. 115.

³⁵ Там же, л. 115 об.

³⁶ АВПР, ф. II Департамент, I—5, 1886, оп. 403, д. 104, л. 251.

³⁷ Там же, л. 252—252 об.

совом проливе (в силу его стратегического положения) и город Ньюкасл — "источник снабжения военных судов углем ³⁸".

Вместе с тем, оценивая ту часть донесений Миклухо-Маклая, где он сообщает о военных приготовлениях в Австралии и состоянии ее обороноспособности, нельзя не признать, что здесь русский путешественник выступает как дилетант. Отчетливо заметно, что военная проблематика мало знакома и далека от непосредственных профессиональных интересов ученого. Сбор и систематизация военной информации осуществлены Миклухо-Маклаем небрежно и, во всяком случае, не профессионально. Перечисляя переоборудованные корабли, то есть излагая материал, представляющий наибольший интерес для военных, он бесперемонно заканчивает перечисление словами "и друг[ие], кот[орых] имени не припомню" или "и т. п." То же самое происходит при рассказе о местностях, где возможна организация добычи угля их перечисление заканчивается фразой "и друг[ие], но все гораздо незначительнее ³⁹". Иногда сам информатор не уверен в достоверности своих сведений: "В Мельбурне находятся (КАЖЕТСЯ) (выделено мною — A. M.) 3 небольших броненосных судна, в Аделаиде — 1 или 240". Что касается секретных данных, то, как уже отмечалось, Миклухо-Маклай даже не пытается их раскрывать.

Ряд сведений, также как и некоторые словесные обороты, использованные информатором, остались неясными чиновникам морского министерства. Например, напротив сообщения об установке в портах Австралии "40-тонных орудий" или рядом с выражением о намерении осуществить "очистку океанов от русских крейсеров" рукой чиновников морского ведомства поставлены вопросительные знаки 41. Что имеется в виду под "сорокатонным орудием"? Его вес? Но это малозначимый показатель. Вес снаряда? Но снарядов в 40 тонн в то время не существовало. Что понимать под выражением "очистка океанов от русских крейсеров"? Уничтожение русских кораблей или их вытеснение на безопасное для австралийцев расстояние?

Наивными выплядят собственные рассуждения Миклухо-Маклая о стратегической значимости тех или иных австралийских портов. Так, он утверждает, что захват неприятельским флотом порта Олбани на южном побережье Австралии позволит "легко прекратить сообщение... Австралии с Европою" и "значительно вредить австралийской торговле 42". При этом, однако, совершенно не принимается во внимание сложность, например, для русского флота подойти незамеченным к

³⁸ ABПР, ф. II Департамент, I—5, 1886, оп. 403, д. 104, л. 251—252.

³⁹ Там же, лл. 115 об., 252, 252 об.

⁴⁰ Там же, л. 252 об.

⁴¹ Там же, л. 251, 252 об.

⁴² Там же, л. 251 об.

южному побережью Австралии, невозможность сколько-нибудь долго удерживать Олбани, трудность отхода после такого рейда к своим базам в северной части Тихого океана.

Столь же неубедительны рассуждения русского путешественника и по другим вопросам, которые выходят за рамки его компетенции. К их числу, например, относятся некоторые геополитические рассуждения, которые Миклухо-Маклай приводит в своем третьем донесении при анализе положения дел в Голландской Ост-Индии. Рассказав о некоторых фактах усиления колониального соперничества Англии, Франции, Германии и Испании в бассейне Тихого океана, Миклухо-Маклай делает следующую совершенно ложную посылку: "Можно допустить всю возможность и даже целесообразность мирной уступки Голландиею одного из ос[тро]вов Малайского архипелага с условием помощи одной из 1-во классных европейских держав против другой в случае, если другая вздумает предъявить претензии на Яву или на другой какой ос[тров] Нидерландских колоний ⁴³". По мысли Миклухо-Маклая именно Россия больше других держав годится на роль гаранта целостности голландских владений, именно ей "голландское правительство С РАДОСТЬЮ согласится уступить... взамен известных... обязательств один из многих островов, которые "de juris" принадлежат Голландии 44". Дело в том, что, как уверяет русский ученый, превращение России в торгового конкурента голландцев маловероятно, но в то же время Россия, будучи морской державой, окажется в состоянии защитить их интересы. Сама же Российская империя приобретает опорный пункт и морскую станцию в Малайском архипелаге между Сингапуром, Австралией и Германской Меланезией, "что может положительно иметь большое значение в стратегическом отношении". "Выбор одного из островов, — заканчивает свою мысль Миклухо-Маклай, — при значительном числе их в Малайском архипелаге будет незатруднительным 45". Наивность и некомпетентность этого рассуждения очевидны. Паже попытка подобной сделки была бы немедленно заблокирована остальными колониальными державами и привела бы к неблагоприятным последствиям для развития дальнейших отношений России и Голландии с Англией, Францией и Германией. Однако желание Миклухо-Маклая видеть Россию среди держав, имеющих территориальные приобретения в этом района земного шара столь велико, что русский путешественник даже не ставит вопрос о возможности и последствиях российско-голландской сделки. Он совершенно не видит искусственности своих геополитических построений.

⁴³ АВПР, ф. II Департамент, I—5, 1886, оп. 403, д. 104, л. 257 об.

⁴⁴ Там же, л. 258 об.

⁴⁵ Там же.

Вместе с тем нельзя отрицать, что в сообщении Миклухо-Маклая о положении дел в голландских колониях содержится немало ценной для российского МИДа конкретной информации. Русский ученый, в частности, приводит интересные сведения о взаимоотношениях различных этнических групп населения в Индонезии и о воздействии этих отношений на прочность голландского колониального режима. Точность и объективность собранных данных объяснима — проблема межэтнических отношений была близка и хорошо знакома русскому путешественнику.

Столь же информативны и точны сообщения Миклухо-Маклая по другим аспектам политической ситуации в Австралии и Океании, с которыми он имел возможность ознакомиться, длительное время проживая и занимаясь научной деятельностью в тихоокеанском регионе. Так, например, весьма убедительны и подкреплены фактами рассуждения Миклухо-Маклая в его третьем донесении о роли русских консулов в Голландской Ост-Индии, Снаме и Австралии. Путешественник отмечает, что "представители России по прибрежьям Тихого океана в настоящее время очень малочисленны, НЕПОДХОДЯЩИ и не соответствуют положению, которое Российская империя — надо надеяться — со временем займет в Тихом океане! 46" (Обратим внимание: и здесь информащия подчинена задаче побудить русское правительство обеспечить России более весомую роль в бассейне Тихого океана). Консулы в Батавии, Мельбурне и Сиднее имеют статус внештатных, а лица, исполняющие эти обязанности — в основном местные жители-коммерсанты. Люди эти, как правило, "недостаточно образованные, ... занятые своими торговыми интересами, добиваются "консульства" ... часто ради законных и незаконных ... доходов". Неудивительно, что "министерство иностранных дел не может рационально ожидать от них ничего другого, как сообщения самого простого характера 47". Миклухо-Маклай рассказывает о деятельности одного из таких консулов — некоего г. Палмборга, который выполнял обязанности внештатного представителя России в Батавии.

Оценивая перспективы развития ситуации в "прибрежьях" Тихого океана, которые "в НЕДАЛЕКОМ будущем ... приобретут НЕСОМ-НЕННО значение НЕМАЛОВАЖНОЕ И БУДУТ ИМЕТЬ ВЛИЯНИЕ НА ОБЩЕЕВРОПЕЙСКУЮ ПОЛИТИКУ", Миклухо-Маклай настоятельно советует министерству иностранных дел назначить "в некоторых удачно выбранных портах Тих[ого] ок[еана] ШТАТНЫХ РОССИЙСКИХ КОНСУЛОВ, людей образованных, могущих ... и способных следить за событиями 48". К числу таких удачно выбранных

⁴⁶ АВПР, ф. II Департамент, I—5, 1886, оп. 403, д. 104, л. 259 об.

⁴⁷ Там же, л. 261а об.—262.

⁴⁸ Там же. л. 262.

портов Миклухо-Маклай относит, помимо прочих, Бангкок. Столице Сиама в донесении посвящен специальный небольшой раздел. Русский консул в Бангкоке, пишет Миклухо-Маклай, "был бы "in the right place 49" и был бы там даже "very welcome! 50" Сиамский двор чувствует себя подчас НЕ ОСОБЕННО КОМФОРТАБЕЛЬНО между английскою Бурмою с одной и французским Анамом с другой стороны и Китаем с севера! 51" Нельзя не отметить в данном случае прозорливость нашего соотечественника, правильно уловившего объективную возможность усиления прорусской ориентации снамского правительства. Известно, что такая ориентация Сиама имела место вплоть до Октябрьской революции 1917 г. в России.

Интересна и объективна информация Миклухо-Маклая (в его третьем донесении) о новом губернаторе колонии Новый Южный Уэльс лорде Кэррингтоне и о заседании Федерального совета австралийских колоний в январе 1886 г. в Хобарте. Федеральный совет был создан на Межколониальной конференции в Сиднее еще в конце 1883 г., однако его существование было узаконено Лондоном только летом 1885 г. Этот совет стал одной из первых попыток конституирования будущих общеавстралийских федеральных институтов 52. Миклухо-Маклай рассказывает о статусе Федерального совета, подчеркивая, что его работа пока не более, чем ""опыт" обсуждения вопросов, имеющих межколониальный интерес". Вместе с тем сам факт его организации "находится (как МНЕ кажется!) в несомненной связи с ... направлением" к отделению австралийских колоний от Великобритании и основанию самостоятельной Австралийской республики 53. Русский путешественник обращает внимание российского министерства иностранных дел на усиление федералистских настроений в Австралии, но в то же время, сохраняя объективность, отмечает, что сильные позиции сохраняет и "другое направление общественного мнения" стремление к сохранению общеимперского единства ⁵⁴.

Однако наиболее полно и заинтересованно Миклухо-Маклай пишет в Петербург о положении дел в Новой Гвинее. Общирные разделы его второго и третьего донесений посвящены первым шагам англо-австралийской колонизации юго-восточной части Новой Гвинеи и началу деятельности германской Новогвинейской компании в северо-восточной части острова. Доскональное знание Миклухо-Маклаем ситуации

⁵⁴ Там же, л. 257.

⁴⁹ На нужном месте (англ.).

⁵⁰ Весьма приветствуем (англ.).

 ⁵¹ АВПР, ф. II Департамент, I—5, 1886, оп. 403, д. 104, л. 260.
 ⁵² Малаховский К. В. История Австралии. М., 1980. С. 133.

⁵³ АВПР, ф. II Департамент, 1—5, 1886, оп. 403, д. 104, л. 256—256 об.

в Новой Гвинее и вокруг нее в полной мере напіло здесь свое отражение.

Русский путешественник сразу же подметил характерную черту новорожденного австралийского колониализма. Стремление австралийцев закрепить за собой острова юго-западной части Тихого океана отнюдь не означало их готовности к реальной колонизации захваченных территорий. В случае с Новой Гвинеей это означало, что австралийские колонии были вполне удовлетворены самим фактом провозглашения британского протектората над юго-восточной частью острова и теперь всячески уклонялись от выделения необходимых денежных средств для содержания колониальной администрации. Миклухо-Маклай подробно рассказывает о попытках первого специального комиссара по делам Новой Гвинеи сэра Питера Скретчлея решить эту проблему — получить деным и арендовать судно для нужд администрации британского протектората 55. Русский ученый опасается, что отсутствие сколько-нибудь прочного контроля за состоянием дел со стороны колониальной администрации может привести к превращению Новой Гвинеи в поле бесчисленных столкновений между туземцами и белыми авантюристами-золотоискателями. "Что золото находится в Новой Гвинее, — пишет Миклухо-Маклай, — доказанный факт... При общем убеждении, что золото будет действительно найдено в достаточном для эксплуатации количестве, ... каждому хочется быть первым на месте, ... публика очень легковерна, верит сейчас же всякому слуху, и каждая экспедиция золотоискателей находит сейчас же много охотников 56". Миклухо-Маклай приводит несколько примеров создания частных компаний по добыче золота в Новой Гвинее, однако до сих пор все попытки золотоискателей высадиться на острове, к счастью, окончились неудачей. Такая высадка, считает ученый, может "наделать немало вреда, т. к. туземцы, которых именно в этой местности, где должно ... находиться золото, не мало, не допустили бы вторжения золотоискателей без сопротивления, и дело не обощлось бы без значительного кровопролития ⁵⁷". Впрочем, в Квинсленде, пишет Миклухо-Маклай в своем втором донесении, формируется новая экспедиция золотоискателей, на этот раз во главе с английским бригадным генералом Макивером. "Именно такого рода "сволочь"..., — в сердцах восклицает русский путешественник, — как г-да Макиверы... и под[обные], не преминут заварить в Новой Гвинее такую капту, что сэру Питеру (Скретчлею — А. М.) найдется скоро не мало дела в его новом губернаторстве ⁵⁸". Эмоциональная несдержанность Миклухо-Маклая

⁵⁵ АВПР, ф. II Департамент, I-5, 1886, оп. 403, д. 104, л. 232 об.-233 об.

⁵⁶ Там же, л. 233 об.

⁵⁷ Там же, л. 234 об.—235.

⁵⁸ Там же, л. 235.

не удивительна, если вспомнить, сколько сил и энергии ученый уделял защите аборитенов тихоокеанских островов от бесчинств тредеров, работорговцев и прочих белых авантюристов.

Именно с точки зрения способности защитить туземцев оценивает русский путешественник деятельность П. Скретчлея и Дж. Дугласа, нового специального комиссара по делам Новой Гвинеи, сменившего Скретчлея после его скоропостижной смерти в декабре 1885 г. И если Скретчлей назван "человеком, который вполне симпатизировал гуманному и справедливому обращению с туземцами", то Дуглас "стар, характера слабого" и, как опасается Миклухо-Маклай, "вообще мало подходящий для администрации... К счастию туземцев, г-н Дуглас назначен только временно 59". С нескрываемой радостью сообщает ученый в Петербург о возвращении на родину папуасов, захваченных в 1883—1884 гг. на побережье Новой Гвинеи и увезенных в Квинсленд на плантации сахарного тростника. Эту акцию, названную Миклухо-Маклаем "исполнением очень справедливой и гуманной меры", осуществило новое правительство Квинсленда, которое возглавил сторонник запрещения работорговли С. Гриффит 60.

Рассказывая в первом и третьем донесениях о колониальных захватах Германии в Океании и о начале немецкой колонизации Новой Гвинеи, Миклухо-Маклай и германскую политику оценивает под углом зрения защиты туземцев. Перспективы здесь, по мнению ученого, отнюдь не радужные. "При бесцеремонном обращении с туземной поземельной собственностью, — пишет путешественник, — будущие германские колонисты не останутся долго в хороших отношениях с туземцами, и истребление последних, вероятно, наступит скоро после поселения первых европейцев 61". Потребность колонистов в рабочей силе толкает Германию на новые колониальные захваты. Именно этот фактор, как считает Миклухо-Маклай, является основной причиной предпринятой в 1885 г. попытки Германии захватить испанские Каролинские острова. Эта акшия вызвала осложнения в германо-испанских отношениях, и, если Испания, владея до сих пор Каролинскими островами, "не делала тем никому вреда", то теперь этот вред "не замедлит явиться", ибо Каролинские острова "НУЖНЫ будущим германским

⁵⁹ АВПР, ф. II Департамент, I—5, 1886, оп. 403, д. 104, л. 256.

⁶¹ АВПР, ф. II Департамент, I—5, 1886, оп. 403, д. 104, л. 236.

⁶⁰ Там же, л. 235. По данным нашего соотечественника из района Новой Гвинен, ставшего "театром подвигов людокрадов", было вывезено за 2 года 625 человек, а возвращено обратно около 300 человек (см. там же, л. 235). Английские и австралийские источники дают, однако, другую цифру: в течение 1883—1884 гг. из Новой Гвинен, Новой Ирландии и Новой Британии было привезено в Квинсленд 5737 канаков, возвращено на Новую Гвинею более 400 человек. Подробнее см. Массов А. Я. "Охота на черных дроздов" на побережье Новой Гвинеи в 1883—1884 годах // Проблемы истории Океании. Иркутск, 1987. С. 46—52.

колонистам в МЕЛАНЕЗИИ для получки РАБОЧИХ РУК ⁶²". Впрочем, Миклухо-Маклай не теряет гипотетической надежды, что, получив территории в Океании, "германское правительство НЕ УНИЗИТ-СЯ до того, чтобы следовать старому пути со всеми мерзостями, как: насилием, надувательством, людокрадством, рабством ⁶³".

В своих донесениях в Петербург Миклухо-Маклай кратко и в чисто информационном плане останавливается также и на некоторых других проблемах развития международной обстановки в тихоокеанском бассейне. Он сообщает о стремлении австралийцев включить в сферу британского влияния Соломоновы острова, об усилении влияния США на Гавайях, а Германии — на Самоа. При этом, как подчеркивает ученый, сами самоанцы из двух зол склонны выбрать меньшее и "пишут почти ежемесячно прошения..., умоляя причислить Самоа к владениям Великобританским... Одно верно, что в Самоа, как и на многих друг[их] островах немцев туземцы терпеть не могут 64". В качестве специального дополнения к третьему донесению Миклухо-Маклай счел необходимым добавить листок с сообщением о постройке трансканадской железной дороги, которая заметно сокращает путь из Европы в Японию, Китай, Австралию (через Атлантику — Канаду — Тихий океан) и тем самым приобретает военно-стратегическое значение. Свои рассуждения путешественник подкрепил вырезкой из англоязычной (видимо, австралийской) газеты, содержащей более подробные данные о преимуществах нового пути из Европы на Дальний Восток и в Австралию 65.

Как видим, Миклухо-Маклай постарался передать в Петербург разностороннюю информацию по самому широкому кругу проблем, касающихся военно-политической ситуации в Австралии и на островах Тихого океана. Качество этой информации далеко не равноценно. Оно зависит от степени осведомленности самого Миклухо-Маклая и его способности к профессиональному анализу затронутых в донесениях вопросов. Соответственно неодинакова и значимость собранных сведений для министерства иностранных дел и морского министерства России. Вместе с тем донесения русского путешественника не могут рассматриваться только лишь как свод фактических данных. Собранный материал изложен в очень активной манере, Миклухо-Маклай всегда и везде стремится предложить свое толкование сообщаемым фактам. При этом отчетливо проявляются гуманистические устремления ученого, его готовность защитить интересы коренных жителей Океании. Текст донесений необычайно эмоционален, их автор не маскирует

⁶² АВПР, ф. II Департамент, I—5, 1886, оп. 403, д. 104, л. 236.

⁶³ Там же, л. 119 об.

⁶⁴ Там же, л. 237.

⁶⁵ Там же, л. 261 об.

свое намерение побудить русское правительство занять более активную позицию в борьбе за утверждение интересов России в бассейне Тихого океана. Правда, столь откровенная ангажированность нередко увлекает нашего соотечественника на путь ничем не обоснованных геополитических построений.

Несомненно, что переданные Миклухо-Маклаем в Петербург сведения расширяли представление русского правительства о положении дел в Австралии и Океании. Как же отреагировали на них в русских "коридорах власти"? Точнее всего можно назвать эту реакцию сдержанной. Министерство иностранных дел с самого начала считало идею русских территориальных приобретений в Океании сомнительной. Но если в декабре 1884 г. Н. К. Гирс еще допускал некоторую вероятность активизации русской политики в Новой Гвинее, то в марте 1885 г. он уже ограничивает возможные акции России только лишь защитой личных имущественных прав Миклухо-Маклая на "его" берегу острова 66. Такое изменение акцентов не случайно. К этому времени в ходе дипломатической переписки Гирса с послом Германии в Петербурге Г. Л. Швейницем и русским послом в Лондоне Е. Е. Стаалем было полтверждено, что Берег Маклая отныне является частью новых неменких владений в Меланезии и что нет никаких оснований надеяться на готовность Лондона признать возможный русский протекторат над этой частью острова ⁶⁷. После заключения в апреле 1885 г. англогерманского соглашения о разграничении владений двух стран в Новой Гвинее, российскому министерству иностранных дел окончательно стало ясно, что какие-либо территориальные приобретения России в Новой Гвинее нереальны. При таких обстоятельствах информация Миклухо-Маклая о развитии политической обстановки в бассейне Тихого океана хотя и оставалась иля российского МИЛа полезной, но в известной мере теряла свое практическое значение и актуальность Видимо, не случайно поэтому, в уже упоминавшемся письме товарища министра иностранных дел России А. Г. Влангали Миклухо-Маклаю от 20 августа 1885 г., русскому путешественнику были переданы указания по сбору военной информации (нужной всегда), но ничего не говорилось о желаемых сведениях политического характера. "Что же касается до desiderata м[инистерст]ва и[ностранных] д[ел], — уклончиво писал Влангали, — то в виду Вашего намерения скоро прибыть в СПб.

⁶⁷ См. РГА ВМФ. Ф. 410, оп. 2, д. 4155, л. 83; АВПР. Ф. II Департамент, I—5, 1886, оп. 403, д. 104, лл. 72, 73.

^{66 6} марта Миклухо-Маклаю в Сидней было направлено письмо, в котором говорилось всего лиць о готовности русского правительства отстоять его земельную собственность на берегу Маклая, но и то при условии невмециательства путешественника в англогерманский спор о разделе Новой Гвинен (см. там же, л. 82).

я полагал бы более удобным отложить этот вопрос до личных с Вами объяснений по этому предмету 68".

Столь же сдержанно отнеслись к информации Миклухо-Маклая и в морском министерстве. Прежде всего (и это хорошо известно биографам русского ученого), морской министр И. А. Шестаков недолюбливал Миклухо-Маклая. Его деятельность в связи с планами установления русского протектората над частью Новой Гвинеи Шестаков называл "судорожной", а самого путешественника счел возможным оценить как "не совсем вменяемого человека" (добавив, впрочем, что и "не совсем вменяемые люди самою невменяемостью своею приносили пользу Отечеству" 69). Следует учесть также, что Шестаков в конечном нтоге высказался против создания военно-морской станции России в районе экватора, так как в случае войны ее было бы невозможно удержать. Кроме того, по результатам плавания корвета "Скобелев" в Новую Гвинею в начале 1883 г. можно было судить об отсутствии на Берегу Маклая удобных бухт для создания военно-морской базы. "Ни один из посещенных мною пунктов..., — доносил 3 апреля 1883 г. Шестакову по результатам плавания корвета начальник русской эскадры Тихого океана контр-адмирал Н. В. Копытов, — не представляет вообще удобств для устройства на них угольных складов 70°. Все это означало, что факты, собранные Миклухо-Маклаем по военным вопросам, не требовали от морского министерства немедленных практических действий и могли быть отнесены к той информации, которую обычно "принимают к сведению".

Не совсем удовлетворяло военно-морских специалистов, по-видимому, и качество военных разделов присланных Миклухо-Маклаем сообщений. Выше уже упоминалось о вопросительных знаках, поставленных чиновниками морского министерства на полях текста донесений. Добавим, что в этом министерстве даже не сочли нужным скопировать военный раздел третьего донесения целиком: копированию были подвергнуты лишь некоторые конкретные сведения об укреплении австралийских портов и переоборудовании торговых и пассажирских судов в военные корабли 71. Информация более общего характера не заинтересовала специалистов морского ведомства — так же, как и Миклухо-Маклаю, она была доступна им из английских газет.

Вместе с тем можно предположить, что некоторые практические выводы из сообщений Миклухо-Маклая о военных приготовлениях в Австралии были впоследствии все же сделаны. Нельзя исключить, что именно под воздействием его информации в январе 1888 г. был

⁶⁸ АВПР, ф. II Департамент, I—5, 1886, оп. 403, д. 104, л. 130.

⁶⁹ Там же, л. 77.

⁷⁰ РГА ВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 4155, л. 35 об.

⁷¹ Там же, л. 114—115 об.

осуществлен заход в Ньюкасл русского корвета "Рында" — первого корабля из России, посетившего этот порт. При этом "Рында" была первым кораблем российского флота, который после 1886 г. плавал в австралийских водах. Заход корвета в Ньюкасл первоначально не планировался, однако 15 октября 1887 г. специальной телеграммой из морского министерства "Рынде" было предписано дополнительно осуществить и этот заход 72. Во время посещения Ньюкасла с 7 по 10 января 1888 г. командой корвета были собраны подробные сведения о самом городе и его порте. об угольных копях в окрестностях Ньюкасла. В рапорте командира корабля капитана І ранга Ф. К. Авелана было рассказано об организации доставки угля в порт и о системе его погрузки на корабль 73. Из всех рапортов Авелана об этом плавании корвета в морском министерстве выделили именно описание Ньюкасла и поместили его в специальном деле "Военно-географические описания портов Тихого, Индийского и Атлантического океанов и Средиземного моря, составленные офицерами флота во время заграничных плаваний сулов 74".

Каких-либо других практических действий морского министерства, также как и каких-либо конкретных усилий русской дипломатии, которые можно было бы считать непосредственным следствием донесений Миклухо-Маклая Гирсу, до сих пор выявить не удалось.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что деятельность Миклухо-Маклая как информатора русского правительства ни в коей мере не должна вызывать чувства неловкости за русского ученого. Повторим еще раз, что эта деятельность не носила разведывательного характера: Миклухо-Маклай использовал только открытые источники и выполнил задачу по сбору и систематизации доступных ему материалов. Его желание помочь русскому правительству было окрашено чувством патриотизма, а деятельность в этом направлении ничем не отличалась от аналогичных действий многих других отечественных и зарубежных ученых.

Изучение переписки Миклухо-Маклая и Н. К. Гирса в связи с развитием военно-политической ситуации в Австралии и Океании не только помогает нам обрести новый ценный источник по истории стран тихоокеанского бассейна и истории внешней политики России. Знакомство с доселе "незамеченной" стороной деятельности великого русского путещественника дает возможность более полно воссоздать его биографию, глубже оценить его политические взгляды и жизненную позицию, а значит лучше понять мироощущение замечательного ученого и гуманиста.

⁷² РГА ВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 224, л. 96.

⁷³ РГА ВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 360, л. 22 об.—25.

⁷⁴ РГА ВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 1471, л. 22—25 об.